

Сэ Чанмин вышел из Двора Ясной Луны и остановился.

Небо все еще куталось в сизую дымку, плотный туман никак не желал рассеиваться, окрашивая далекие вершины в грязно-серые тона.

Поразмыслив о том, куда направить стопы, он решил подняться ко Двору Разреженного Ветра, примостившемуся на самой вершине Пика Зеленого Пришествия.

Внезапное бегство воинства Царства демонов вызывало немало вопросов. Даже соберись здесь все старейшины Академии Лулинь, разрушить столь мощные врата массива за считанные мгновения им вряд ли удалось бы. Шэн Лююй своими стрелами разбил лишь два узла, но ключевое звено — то, на котором стоял Шэн Лююй, — продолжало исправно работать. Пусть медленнее, но массив все еще был способен утянуть Пик Чжоу на самое дно демонического мира.

К тому же оставалась та странная кошка.

Сэ Чанмин в прошлой жизни провел среди демонов не один десяток лет, но подобных тварей встречать ему не доводилось.

Судя по всему, демоны наверняка заготовили козырь в рукаве, и их целью по-прежнему оставалась птица Чанмин. Пусть руководство академии и собиралось устроить тотальную зачистку тех мест, Зал Размышления над Заповедями уже не раз доказывал свою полную некомпетентность. Полагаться на них Сэ Чанмин не собирался.

Свое беспокойство он списывал исключительно на жалость к хрупкому птенцу и на необходимость оберегать ценного партнера по сделке — в конце концов, он все еще не получил семейную родословную.

Стоит только отыскать в ней Сэ Сяоци, и все встанет на свои места. Тогда его больше не будет волновать судьба никаких других птиц.

Так, во всяком случае, уверял себя Сэ Чанмин.

По дороге на вершину он вновь наткнулся на Цун Юаня. Все на том же месте, вот только теперь тот не отправлял послание, а читал ответ.

Рядом на земле примостилась земляная мышь, с аппетитом грызущая какой-то плод. Цун Юань, едва дочитав письмо, в порыве чувств сгреб зверька в охапку и зарыдал в голос, едва не задушив несчастного почтальона.

На сей раз Сэ Чанмин скрываться не стал. Заметив прохожего, Цун Юань подскочил от неожиданности и торопливо скомкал бумагу в кулаке.

Увидев, что это Сэ Чанмин, он заметно расслабился — видимо, понимая, что его тайны и так давно раскрыты, решил просто плыть по течению. Сэ Чанмин не собирался расспрашивать его о семейных драмах и уже развернулся, чтобы продолжить путь, но Цун Юаню отчаянно требовалось выговориться.

— Отец пишет, — запричитал он с похоронной миной, — что если я от страха перед смертью сбегу обратно пахать землю, то за такое малодушие он лично забьет меня до смерти.

— Ты всегда можешь возразить, приведя достойные аргументы, — ровно заметил Сэ Чанмин.

Цун Юань непонимающе уставился на него.

Сэ Чанмин со знанием дела подсказал:

— «Срываю хризантему у восточной ограды, в безмятежности взираю на Южные горы».

Цун Юань уныло выдавил:

— Боюсь, тогда отец примчится в академию и прибудет меня еще до того, как я соберусь уезжать.

Что возвращение, что философские споры сулили одинаково печальный финал. А вот если остаться здесь, еще был шанс протянуть подольше.

— Брат Сэ, — заговорил Цун Юань, — я ведь прилежно учусь, усердно тренируюсь и никому не мешаю...

— Твоя личность меня не волнует, — оборвал его Сэ Чанмин. — Болтать я не стану.

Поняв, что казнь откладывается, Цун Юань расплылся в счастливой улыбке.

Распрощавшись с чудом уцелевшим приятелем, Сэ Чанмин возобновил подъем.

В вышине, то и дело пикируя к ветвям деревьев, кружила ласточка. Сэ Чанмин протянул руку, и птица послушно опустилась ему на предплечье. К ее лапкам были привязаны два плотно свернутых свитка.

Послание пришло из Башни Ветра и Дождя.

Башня Ветра и Дождя заявила о себе всего несколько лет назад. Ее хозяин, прозванный Господином Ста Знаний, слыл личностью крайне загадочной — никто не знал, где он

скрывается и какими техниками владеет.

На самом же деле этот таинственный торговец информацией был обычным бледнолицым книжником. Силы его не впечатляли, зато он практиковал редчайшее искусство, позволяющее разделять чувства и мысли с неразумными тварями. Из-за этого дара за ним устроили настоящую охоту, и если бы не Сэ Чанмин, вовремя пришедший на помощь, книжник давно бы расстался с жизнью.

Пережив смертельную опасность и осознав всю уязвимость одиночки, Господин Ста Знаний с радостью принял предложение своего спасителя, искавшего Сэ Сяоци. Они быстро нашли общий язык: один предоставил доступ к духовной жиле, другой взял на себя всю работу. Так родилась Башня Ветра и Дождя.

Организация редко лезла в темные тайны бессмертных кланов, сосредоточившись на доставке писем и обмену сведениями из самых труднодоступных уголков мира. Имея за спиной мощную духовную жилу и не зная нужды в средствах, за последние годы Башня укрепила свое влияние, превратившись во внушительную силу.

Впрочем, Сэ Чанмина мало заботили успехи Башни. Он финансировал ее с единственной целью — отыскать след Сэ Сяоци. Его собственные перемещения по миру предугадать было невозможно, так что даже Господин Ста Знаний не догадывался, что его покровитель сейчас находится в Академии Лулинь. Ласточка была сделана из заговоренной бумаги давным-давно: стоило отпустить ее на волю, как она сама находила путь к хозяину.

Развернув первое письмо, он сразу наткнулся на выведенные сверху слова: «Птица Чанмин». Чуть ниже стояло имя: Шэн Лююй.

Сэ Чанмин на мгновение замер, а затем продолжил чтение.

Как перед главным покровителем, Господин Ста Знаний не смел небрежничать в расследовании. И хотя слухов о Маленькой птице Чанмин ходило великое множество, верить им на слово не стоило, поэтому он лично отправился на Малую Тяжелую Гору.

Это место испокон веков служило прибежищем для божественных птиц и их ближайших сородичей. В письме Господин Ста Знаний сообщал, что обошел окрестности и настроил ментальную связь с местными птицами и зверями, прожившими по двадцать-тридцать лет. Обычные неразумные пичуги не вызывали подозрений у могущественных практиков, а потому помнили многое. Как выяснилось, Шэн Байюнь, отец Шэн Лююя, за последние два десятилетия появлялся на горе регулярно, а вот его сына никто никогда не видел. Лишь около трех лет назад Шэн Лююй внезапно объявился на Малой Тяжелой Горе — буквально сошел из ниоткуда, причем был он уже в возрасте одиннадцати-двенадцати лет.

Господин Ста Знаний даже выражал сомнения: действительно ли юноша является истинной птицей Чанмин?

То, что Шэн Лююй — настоящая птица Чанмин, сомнений не вызывало. Но почему он вырос вдали от родных гнезд?

Сэ Чанмин задумался. Возможно, именно в этом крылась разгадка его слепоты и глухоты? Птицы Чанмин от природы наделены даром рассеивать демоническую скверну. Какая же темная сила умудрилась опутать его так прочно, что даже всемогущий Шэн Байюнь оказался бессилён?

Вопросов оставалось слишком много. Но Сэ Чанмин решил не забивать себе голову чужими тайнами. Смяв прочитанный лист, он развернул второй свиток.

В письме говорилось, что появились зацепки касательно глины Освещения Мира Бошань, однако сведения еще требуют проверки, так что заполучить ее прямо сейчас не удастся. Сама по себе эта глина встречалась крайне редко, а поскольку для культивации от нее не было никакого проку, мало кто утруждал себя ее поисками, что делало этот ресурс поистине уникальным сокровищем.

Сэ Чанмин нахмурился.

Спустя двадцать лет он по-прежнему отчетливо помнил облик Сэ Сяоци — стоило взять кисть, и он мог бы набросать его портрет с закрытыми глазами. Однако другие детали прошлого постепенно стирались из памяти.

В своей первой жизни, едва спустившись с безымянной горы, он вел за собой глупую маленькую птицу. У подножия ютился лоток гадателя, за которым сидел слепой даос. Тот окликнул Сэ Чанмина, предрек ему великую судьбу и невероятное могущество, а напоследок одарил чудодейственной пилюлей.

И Сэ Чанмин безропотно ее проглотил.

Вспоминать об этом сейчас казалось дикостью. Ладно бы ему было пять лет, но в тринадцать он ни за что на свете не стал бы брать угощение из рук незнакомца.

Во второй и третьей жизнях, спускаясь с той же горы, он больше никогда не встречал слепого старца.

Точно так же, очнувшись в очередной раз в теле тринадцатилетнего подростка, он больше не наткнулся на Сэ Сяоци.

Оказавшись внизу, Сэ Чанмин нанялся в охранное бюро сопровождать торговые караваны. В тринадцать лет, обделенный богатырской силой, он вряд ли мог рассчитывать на такое место. Спасло то, что он был грамотным и умел быстро считать. Большинство дипломированных счетоводов терпеть не могли тяготы дороги, да и плату требовали непомерную, поэтому

наниматели охотно взяли смышленного мальчишку на полставки вести учет товаров.

Путешествия с караваном изматывали душу и тело.

Сэ Чанмин носил птицу на плече. Окружающие дивились ее уму, иные пытались выкупить, но парень стоял на своем. Когда же некоторые наглецы попытались забрать питомца силой, Сэ Чанмину пришлось пустить в ход кулаки.

Лишь много позже Сэ Сяоци признался, как сильно тогда боялся, что хозяин польстится на деньги и отдаст его чужакам.

Разумеется, высказал он это не вслух, а оставил гневные отпечатки лап в гроссбухе: «Если вздумаешь меня продать, я каждый день буду сыпать яд в твои паровые булочки!»

Когда караван добирался до очередного крупного города, охранники и погонщики дружной гурьбой отправлялись пить и спускать заработанное в игорных домах. Сэ Чанмин же шел в книжные лавки. Обладая феноменальной памятью, он читал трактаты, а вернувшись на постоялый двор, переносил их на бумагу слово в слово.

Днем на это не оставалось ни минуты, а по ночам старший караванщик ради экономии запрещал жечь свечи. Сэ Чанмин устроился во дворе, пытаясь писать при лунном свете. Когда небо затягивало тучами, воцарялась непроглядная темень.

Сэ Сяоци, задрав голову, оценивающе смотрел на небосвод, а затем, словно все поняв, опускался хозяину на колени. Он приоткрывал клюв, внутри которого теплилось мягкое сияние, и бережно освещал страницу.

«Разве бывают в мире птицы, чей зев испускает свет?» — думал тогда Сэ Чанмин. Ему такие не встречались, да и в рассказах бывалых людей ничего подобного не упоминалось. Наверняка его питомец принадлежал к какому-то исключительному, древнему роду.

— Птица, способная заменить фонарь, должна стоять целое состояние, — поддразнивал его Сэ Чанмин.

Разгневанный Сэ Сяоци в ответ нещадно клевал его в пальцы, но после все равно возвращался на место. Даже когда он утомленно прикрывал глаза и начинал дремать, его клюв оставался послушно раскрытым, исправно выполняя роль живого светильника.

Стоило кому-то из караванщиков выйти посреди ночи во двор, как Сэ Чанмин, заметив скользнувшую по земле тень, тут же мягко прикрывал клюв Сэ Сяоци ладонью, пряча его в кулаке.

На следующий день старший каравана, проверив запасы свечей и не обнаружив недостачи,

подозрительно прищурился и спросил, откуда парень брал свет для ночной писанины. Вместо ответа Сэ Чанмин вытащил из кармана склянку, набитую светляками. Половина из них уже испустила дух, но выжившие продолжали тускло мерцать в ладонях. Объяснение показалось караванщику вполне убедительным.

Зато Сэ Сяоци при виде копошащихся насекомых едва не лишился чувств от страха.

— Родился птицей, а боишься жалких жуков, — посмеивался над ним юноша. — Настоящий маленький трус.

«Маленький трус» в ярости хлопал крыльями, превращая прическу хозяина в сущее воронье гнездо. Глупый птенец так и не понял, откуда взялись эти светляки и ради чего Сэ Чанмин собирал их по кустам половину вчерашнего дня.

Впрочем, ему и не нужно было этого знать.

Ведь Сэ Сяоци был всего лишь наивным, пугливым созданием, требующим бережной заботы.

Эти воспоминания Сэ Чанмин бережно пронес через бесконечную череду смертей и перерождений. На некоторые странности прошлого он сознательно закрывал глаза — не из глупости, а потому, что сначала хотел вернуть своего Сяо Тумао, а уже потом разбираться со всем остальным.

Он просто безумно хотел вновь обнять своего птенца.

Весь следующий день прошел на редкость спокойно.

Он размеренно читал, не спеша обедал, сосредоточенно выводил линии на портретах и часами сидел на крыше, скрытый от чужих глаз маскировкой. В его мыслях больше не всплывал образ надменного пернатого существа.

На закате следующего дня нефритовый жетон на его поясе слабо завибрировал, оповещая о входящем послании. Коснувшись поверхности, Сэ Чанмин прочитал высветившуюся строчку:

«Твое одеяло слишком жесткое. Мне больно».

Сэ Чанмин нахмурился: «?»

Что за глупый розыгрыш? К чему эти двусмысленные жалобы на боль? Просто верх неприличия. До какого же упадка докатилась Академия Лулинь!

Все эти коммуникационные жетоны питались от единого центрального массива. Теоретически любой практик, мало-мальски разбирающийся в начертании рун, мог взломать систему и отправить послание на любую плашку или даже устроить массовую рассылку. Но использовать этот канал для столь сомнительных откровений было верхом наглости.

Сэ Чанмин проигнорировал входящее.

Спустя пару минут пришло следующее сообщение:

«Брат Сэ, маленькая птица Чанмин соизволила высказать крайнее недовольство предоставленной клеткой и вовсю капризничает. Поторопись с возвращением».

Судя по витиеватому слогу, это писал Господин Сюй.

Сэ Чанмин вздохнул и набрал ответ:

«Поменяй клетку сам».

«Хоть я и наставник, — незамедлительно отозвался Господин Сюй, — но решать бытовые проблемы учеников не нанимался. Комната твоя, птица оставлена на твое попечение — вот сам и разбирайся».

Поразительное, безграничное бесстыдство.

Сэ Чанмин остался непреклонен и продолжил невозмутимо ужинать.

«Возвращайся».

«Возвращайся».

«Мне больно».

Нефритовый жетон беспрерывно мерцал, выводя строчки прямо в воздух без всякого подтверждения со стороны владельца. Без сомнения, Господин Сюй приложил руку к настройкам массива, чтобы взломать чужую защиту.

Впрочем, кто именно строчил эти жалобы, оставалось под вопросом. Шэн Лююй обладал непомерной гордостью и вряд ли опустился бы до назойливого выпрашивания внимания после первого же отказа. С его характером он скорее молча затаил бы обиду, скрежеща зубами и мысленно низвергая обидчика в пучины преисподней. Подобным шутовством мог промышлять исключительно Господин Сюй, напрочь лишенный всяких понятий о приличиях.

Сидящие неподалеку ученики уже начали коситься на непрестанно вспыхивающий жетон Сэ Чанмина и шушукаться, строя самые дикие предположения.

Раствориться в воздухе прямо посреди столовой было бы слишком подозрительно, поэтому Сэ Чанмин просто погасил мерцание нефрита, закинул его в пространственное кольцо и быстрым шагом направился в сторону Двора Ясной Луны.

На сей раз он твердо решил забыть о всяком почтении к старшим.

<http://bllate.org/book/18249/1750607>